

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-162-168
УДК 329(045)

Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока

М.А. Давыдова

Финансовый университет, Москва Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты прикладного политического исследования, цель которого заключается в определении триггеров, технологий и инфраструктуры информационного потока массовых политических протестов в России в период с 2020 по 2021 г. Реализованный ивент-анализ позволил установить, что протестная мобилизация осуществляется в два этапа: первичная – на основании действий вокруг символа протеста, вторичная – на основании недовольства существующим политическим режимом, социально-экономической ситуацией, действиями правоохранительных органов. Когнитивное картирование позволило установить, что активное использование аффективных приемов формирования дискурсов позволяет обеспечивать эмоциональное вовлечение пользователей в протестные информационные потоки, что сказывается на их отношении к ним. Киберметрический анализ продемонстрировал, что особенности Telegram как протестной платформы позволяют обеспечивать эффективную мобилизацию и модерацию протестной активности.

Ключевые слова: ивент-анализ; киберметрический анализ; протестные триггеры; протесты в России; протесты в Хабаровске

Для цитирования: Давыдова М.А. Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):162-168. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-162-168

ORIGINAL PAPER

Mass Political Protests in the Russian Federation 2020–2021: Triggers, Technologies, Information Flow Infrastructure

M.A. Davydova

Financial University, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>

ABSTRACT

The article presents the results of applied political research, which is to determine the triggers, technologies, and infrastructure of mass political protests in Russia from 2020 to 2021. The implemented event analysis allowed us to establish that the protest mobilisation is carried out in two stages: the primary – based on actions around the protest symbol, the secondary – based on dissatisfaction with the existing political regime, the socio-economic situation, and the actions of law enforcement agencies. Cognitive mapping allowed us to establish that the active use of affective methods of forming discourses enables us to ensure users' emotional involvement in protest information flows, which affects their attitude to them. Cybermetric analysis has demonstrated that the features of Telegram as a protest platform allow for effective mobilisation and moderation of protest activity.

Keywords: event analysis; cybermetric analysis; protest triggers; protests in Russia; protests in Khabarovsk

For citation: Davydova M.A. Mass political protests in the Russian Federation 2020–2021: Triggers, technologies, information flow infrastructure. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):162-168. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-162-168

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной действительности протестная деятельность становится инструментом, который создает условия для воздействия на политическую и социальную среду. Протесты выступают способом реализации прямой демократии, когда граждане получают возможность высказывать свое отношение, выражать несогласие и требовать изменений. В период 2020–2021 гг. в России протестные движения стали частым явлением, дополняющим политические процессы. При этом протестная деятельность является не только инструментом выражения общественного несогласия, но и может использоваться как метод дестабилизации политического режима.

В этой связи актуализируется вопрос об изучении характеристик протестов в контексте используемых мобилизационных триггеров; технологий, которые формируют установки протестной активности и позволяют обеспечивать перевод онлайн-активности в оффлайн, а также инфраструктуры массовых акций, которая формируется для выстраивания эффективных и быстрых моделей коммуникации с участниками протестного потока.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая основа исследования представлена теориями и концепциями: коллективного поведения (Г. Лебон [1], Г. Тард [2]); сетевого взаимодействия (М. Кастельс [3], Б. Уэллман [4]); политического протеста (Н. Смелзер [5], А. Обершол [6].); политической мобилизации (Д. Маккадам, С. Тэрроу [7]); установок (У. Томаса, Ф. Знанецкого [8]).

В рамках современных исследований актуальными представляются работы, связанные с анализом протестов в пространстве интернета (А. С. Архипова [9], А. А. Мальченко [10]); практики российского политического протеста (А. Ю. Домбровская [11], Д. Н. Карзубов [12]); политических протестов в международном срезе (Е. В. Бродовская [13], А. В. Коротаев [14]).

Исследование осуществлялось в рамках гибридной стратегии, базирующейся на сочетании количественных и качественных методов исследования. Основу исследования составили когнитивное картирование, киберметрический анализ, ивент-анализ.

Для изучения особенностей триггеров, используемых для мобилизации массовых протестов, был реализован ивент-анализ, основой стали данные, полученные из Google-trends. Когнитивное картирование позволило выявить ключевые технологии, которые использовались для вовлечения пользователей социальных медиа в протестные информационные потоки, формирование у них протестных установок, а также перевода онлайн-активности в оффлайн. Киберметрический анализ позволил проанализировать особенности формирования информационного потока с позиции инфраструктуры и динамики. Для реализации киберметрического анализа использовались IQ Buzz и Popsters.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2020 г. наиболее масштабные протестные акции прошли в Хабаровском крае после ареста его главы С. Фургала, в отношении которого было заведено уголовное дело за действия в начале 2000-х гг. Хабаровчане были недовольны действиями со стороны следственного комитета и судебной системы. Арест Фургала произошел 9 июля 2020 г., а 10 июля вышло постановление Басманного суда на арест губернатора. 11 июля прошла первая акция протеста в поддержку Сергея Фургала, которая стала началом протестной активности. Далее проходили массовые протестные акции (рис. 1), основными тезисами которых было освобождение Фургала, недопуск подобного беспричинного произвола, также проявился дискурс недовольства дистанционностью и отсутствием участия федерального центра в реальной проблемной повестке. При этом во многих ситуациях удалось избежать применения силовых методов со стороны правоохранительных органов и насильственные дискурсы не появились.

Протесты в Москве в поддержку Навального в январе 2021 г. не стали исключением. Основным инструментом их мобилизации, а также осуществления модерации стали социальные медиа. Социально-медийная повестка в период с 17 января и до 2 февраля наполнялась политической проблематикой, которая связана с действиями Алексея Навального.

Первый пик информационный активности отмечается 17.01.2021 — это дата возвращения Навального в Москву, перенаправление его

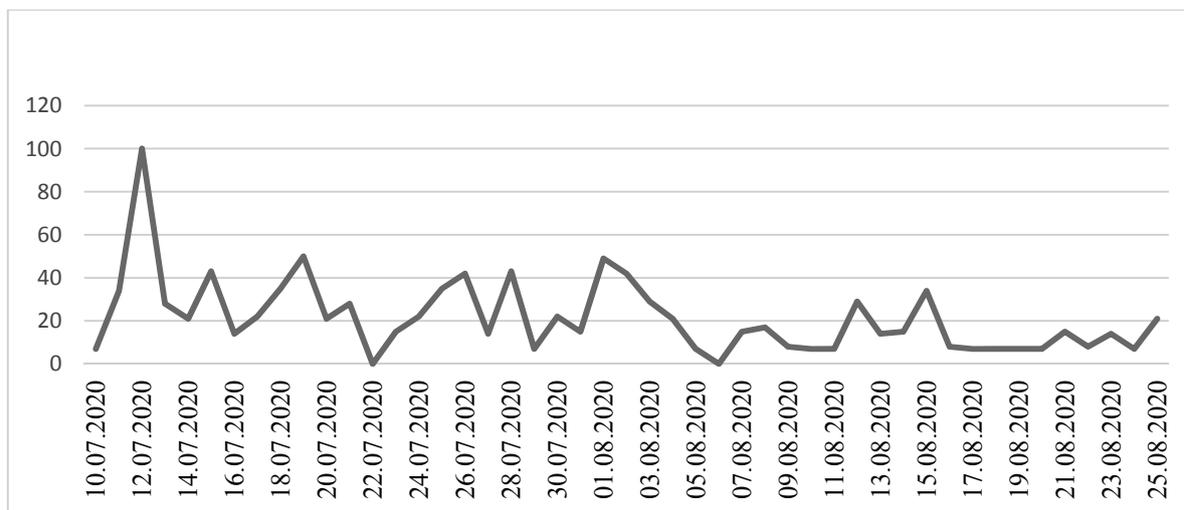

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика информационного потока о протестах в Хабаровске 2020 г. / Dynamics of the information flow about the protests in Khabarovsk 2020

Источник / Source: составлено автором / the author.

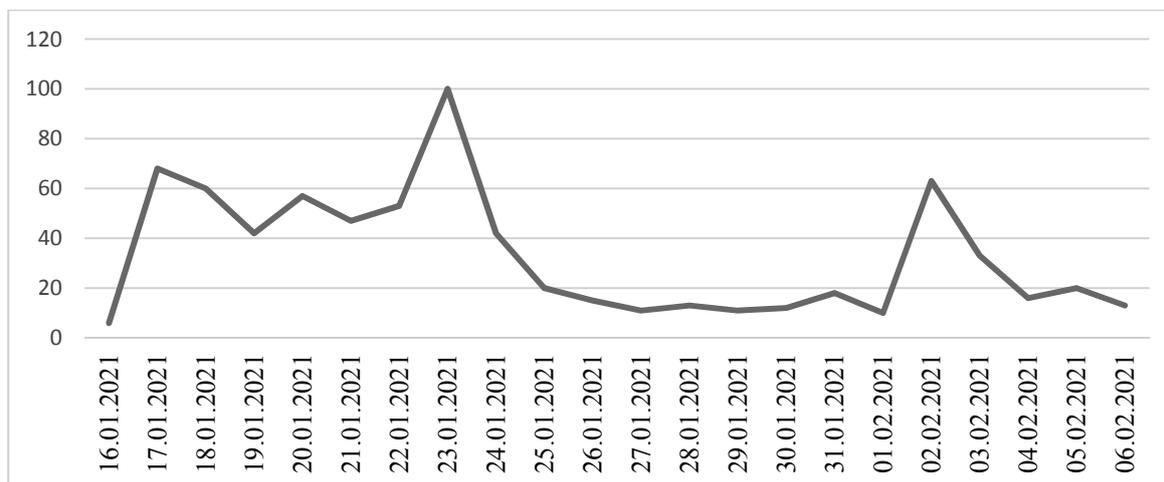

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика информационного потока о протестах в России в январе 2021 г. / Dynamics of the information flow about the protests in Russia in January 2021

Источник / Source: составлено автором / the author.

самолета и задержание его в аэропорту после посадки. 18 января проходит суд над Навальным, который создает резонанс в обществе, так как отмечаются нарушения установленного правового порядка. 19 января выходит фильм Навального про дворец Путина в Геленджике, что становится подкрепительным триггером. К дискурсам о Навальном добавляются дискурсы о коррупционности, которые получают негативный отклик.

23 января начинается протестный флешмоб по всей стране и за ее пределами, который становится самостоятельным триггером. Дискурсы протеста охватывают не только вопросы, связанные с Навальным, но и другие проблемы,

которые актуализированы в обществе: коррупция, несменяемость власти, отсутствие альтернативы, низкий уровень жизни. Следующим пик информационной активности приходится на 31 января. В этот день протесты проходят во многих городах России, но количество городов-участников сокращается. В дальнейшем определенный пик можно отметить 2 февраля, когда происходит очередное заседание по делу А. Навального (рис. 2).

В целом в рамках ивент-анализа можно отметить, что основным первичным триггером были С. Фургал и А. Навальный. Триггеры активно пополнялись игнорированием со стороны действующей власти социально-экономиче-

Таблица 1 / Table 1

**Характеристики публикаций в ходе освещения протестов в Хабаровске 2020 г. /
Characteristics of publications during the coverage of the protests in Khabarovsk in 2020**

Использование мобилизующих приемов	Прямые указания к действиям	12%
	Отсутствие прямых указаний к действиям	88%
Степень конвенциональности	Конвенциональный	66%
	Неконвенциональный	14%
Прием формирования дискурса	Аффективный	63%
	Рациональный	29%
	Смешанный	8%

Источник / Source: составлено автором / the author.

Таблица 2 / Table 2

**Характеристики публикаций в ходе освещения протестов в январе 2021 г. /
Characteristics of publications during the coverage of the protests in January 2021**

Использование мобилизующих приемов	Прямые указания к действиям	14%
	Отсутствие прямых указаний к действиям	86%
Степень конвенциональности	Конвенциональный	51%
	Неконвенциональный	49%
Прием формирования дискурса	Аффективный	60%
	Рациональный	29%
	Смешанный	11%

Источник / Source: составлено автором / the author.

ской ситуации, а также общим недовольством существующей системы.

Переходя к анализу результатов когнитивного картирования, мы можем выделить несколько ключевых особенностей. Так, для протестов 2020–2021 гг. характерно неиспользование мобилизующих приемов. Отсутствие в большинстве публикаций прямых указаний к действиям говорит о том, что модераторы протестов используют опосредованные способы вовлечения, не агитируя прямо участвовать в протестах. Прямые указания для неподготовленной и нелояльной аудитории могут

становиться фактором, который негативным образом влияет на отношение к протестам. Опосредованное вовлечение позволяет осуществлять подготовку пользователей, а также формировать лояльность (табл. 1 и 2).

Большинство публикаций характеризуются конвенциональностью, в них отсутствуют призывы к системным изменениям существующего политического режима. Информационное сопровождение протестов в поддержку А. Навального в январе 2021 г. связано с большей степенью неконвенциональности публикаций, что обосновывается дискурсами, которые

ложатся в основу протестной мобилизации и связаны с недовольством действиями органов государственной власти, правоохранительных и судебных органов, а также социально-экономической обстановкой (табл. 2).

Нужно подчеркнуть, что мобилизация осуществляется на основании аффективных приемов формирования дискурса, что позволяет привлекать внимание к публикациям, а также формировать диапазон чувств от сопричастности и сочувствия до негодования. Подобный тип публикаций вызывает эмоциональный отклик, что увеличивает вовлеченность, а также способствует формированию оппозиционных установок.

Инфраструктура протестов в Хабаровске представлена в большинстве случаев такими социальными медиа, как Вконтакте, Одноклас-

С позиции технологий и триггеров протесты организовывались по идентичным сценариям. А эффективность Telegram, доказанная во время протестов в Республике Беларусь в 2020 г., активно использовалась и в ходе российских протестов в 2021 г., подтверждая работоспособность мессенджера.

сники и Twitter. При этом активность проявляется через комментарии, в меньшей степени представлены посты и записи в социальных сетях. Подобная инфраструктура информационного потока показывает, что пользователей можно охарактеризовать как вовлеченных, так как они активно подключаются к обсуждению протестов в формате комментариев, но значительно менее активно формируют собственную информационную повестку через посты и записи в социальных сетях. В протестах отсутствовала единая инфраструктура и единый канал, который позволял обеспечивать протестную мобилизацию. Такими источниками становились сообщества регионального характера, которые и позволяли обеспечивать протестную мобилизацию и распространяли инструкции.

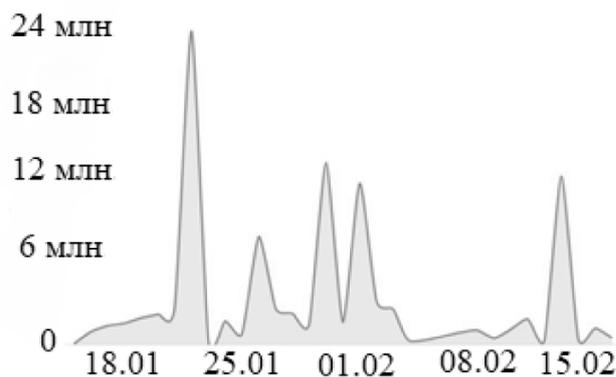

Рис. 3 / Fig. 3. Динамика просмотров публикаций о протестах в январе 2021 г. / Dynamics of views of publications on protests in January 2021

Источник / Source: составлено автором / the author.

Подобная ситуация обосновывается тем, что протест носил региональный характер, а не был всероссийским.

В ситуации с протестами в поддержку А. Навального ключевым элементом инфраструктуры являлось сообщество «Команда Навального», функционирующее в Вконтакте и Telegram. После ареста А. Навального модераторы сообществ на различных платформах начали формировать протестный информационный поток, который носил весьма динамичный характер, а также обосновывал необходимость участия в массовых протестных акциях (рис. 3). Публикации в социальных медиа во многих случаях пересекались, но необходимо отметить, что Вконтакте использовался для первичного формирования протестных установок и обеспечения мобилизации протеста, Telegram выполнял роль модератора протеста непосредственно в ходе акций. Подобное распределение во многом связано с особенностями конфиденциальности социальных сетей. Говоря про активность пользователей, можно отметить, что для Вконтакте характерна высокая комментарийная активность, в то время как в Telegram подписчики являются исключительно зрителями формируемого контента.

Выводы

Несмотря на то что протесты в Хабаровске и в поддержку А. Навального произошли в разное время, у них есть ряд общих характеристик.

Во-первых, для протестов 2020 и 2021 гг. характерны идентичные механизмы мобилизации: первичное событие-триггер, вокруг

которого выстраивается первая волна мобилизации, и жертва, образ которой используется для обеспечения вовлечения пользователей в протестный информационный поток.

После того, как сформирована первичная аудитория протеста, начинается этап вторичной мобилизации, в котором триггерами становятся недовольство существующим режимом, действиями правоохранительных органов, социально-экономической ситуацией. Подобный набор триггеров позволяет осуществлять пролонгированное воздействие на пользователей, формируя разнообразную аудиторию протеста, так как используются триггеры, актуальные для разных групп населения.

Во-вторых, протестные публикации характеризуются отсутствием прямых указаний к действию, что говорит о том, что на первом этапе происходит формирование протестных и оппозиционных установок, а непосредственно перед протестами модераторы размещают инструкции, которые позволяют систематизировать протест. Подобный подход позволяет формировать лояльность к протесту, а в последующем — осуществлять перевод онлайн-активности в офлайн.

В-третьих, аффективные приемы формирования дискурса позволяют говорить об эффективности эмоционального подхода к формированию публикаций. Сообщения, в содержании которых присутствуют эмоциональные элементы, формируют эмоциональный отклик

у пользователей, обеспечивая большее вовлечение в протестный дискурс, что потенциально может приводить к формированию лояльности. Отработанность и доказанная эффективность технологии использования аффективных приемов потенциально может быть применена в ходе мобилизации будущих протестных акций, что требует разработки актуальных методик противодействия.

В-четвертых, инфраструктуры протестов существенно различны. Высокий мобилизационный потенциал и эффективность продемонстрировала модель, используемая в ходе протестов в 2021 г. в поддержку А. Навального. Сочетание различных платформ, а также модерация протестов в формате «здесь и сейчас» позволяет повышать их управляемость. Подобная успешная апробация Telegram в январе 2021 г. потенциально может повлечь использование данной платформы и ее функционала в ходе протестных акций.

Подводя итог, можно отметить, что с позиции технологий и триггеров протесты организовывались по идентичным сценариям. А эффективность Telegram, доказанная во время протестов в Республике Беларусь в 2020 г., активно использовалась и в ходе российских протестов в 2021 г., подтверждая работоспособность мессенджера. Подобные тенденции говорят о формировании практики использования нового сервиса для мобилизации, который имеет потенциал стать протестной платформой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебон Г. Психология народов и масс. Пер. с фр. М.: АСТ; 2017. 384 с.
2. Тард Г. Общественное мнение и толпа. Пер. с фр. М.: АСТ; 2021. 256 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2016. С. 564.
4. Wellman B. Network analysis: some basic principles. *Sociological Theory*. 1983;(1):158–162.
5. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс; 1994. 688 с.
6. Oberschall A. Social conflict and social movements. N.J.: Prentice-Hall, Inc.; 1973. 392 p.
7. Mcadam D., Tarrow S. Dynamics of Contention. C.: Cambridge University press; 2004. 411 p.
8. Znaniecki F., Thomas W.I. The Polish peasant in Europe and America. N.Y.: Alfred A. Knopf; 1927. 1115 p.
9. Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в Интернете. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018;(1):12–35.
10. Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан. *Управленческое консультирование*. 2020;(1):35–42.
11. Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования). *Власть*. 2020;(2):51–58.
12. Карзубов Д. Н. Мобилизация протестной активности пользователей социальных медиа в России (2011–2017 гг.). *Социально-гуманитарные знания*. 2017;(8):244–257.

13. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Азаров А. А., Фильченков А. А., Абрамов М. В., Карзубов Д. Н. Интернет-технологии мобилизации политического протеста (на примере Евромайдана). *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016;(4):54–69.
14. Коротаев А. В., Мещерина К. В., Куликова Е. Д., Дельянова В. Г. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика*. 2017;(4):113–126.

REFERENCES

1. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST; 2017. 384 p. (In Russ.).
2. Tard G. Public opinion and the crowd. Moscow: AST; 2021. 256 p. (In Russ.).
3. Castells M. Power of communication. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2016. 564 p. (In Russ.).
4. Wellman B. Network analysis: some basic principles. *Sociological Theory*. 1983;(1):158–162.
5. Smelzer N. Sociology. Moscow: Feniks; 1994. 688 p. (In Russ.).
6. Oberschall A. Social conflict and social movements. N.J.: Prentice-Hall, Inc.; 1973. 392 p.
7. Mcadam D., Tarrow S. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 411 p.
8. Znaniecki F., Thomas W.I. The Polish peasant in Europe and America. N.Y.: Alfred A. Knopf; 1927. 1115 p.
9. Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. “Reassembling the rally”: The Internet in protest and protest on the Internet. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2018;(1):12–35. (In Russ.).
10. Malkevich A. A. The role of social networks in the protest political participation of citizens. *Upravlencheskoe konsul’tirovanie*. 2020;(1):35–42. (In Russ.).
11. Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of youth in modern Russia: features of its manifestation in online and offline environments (based on the results of an empirical study. *Vlast’*. 2020;(2):51–58. (In Russ.).
12. Karzubov D. N. Mobilization of protest activity of social media users in Russia (2011–2017). *Sotsial’no-gumanitarnye znaniya*. 2017;(8):244–257. (In Russ.).
13. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Azarov A. A., Filchenkov A. A., Abramov M. V., Karzubov D. N. Internet technologies of political protest mobilization (on the example of Euromaidan). *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2016;(4):54–69. (In Russ.).
14. Korotaev A. V., Meshcherina K. V., Kulikova E. D., Del’yanova V. G. The Arab Spring and its Global Echo: a quantitative analysis. *Sravnitel’naya politika*. 2017;(4):113–126. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Давыдова — лаборант Центра политических исследований Департамента политологии; студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
marchikdavydova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Davydova — Laboratory Assistant at the Centre for Political Studies of the Department of Political Science; 4th-year student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
marchikdavydova@mail.ru

Статья поступила 10.05.2021; принята к публикации 30.05.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.05.2021; accepted for publication on 30.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.